

СЕВЕРНЫЕ ПРОВИНЦИИ ИРАНА В ИСТОРИИ РУССКОГО ФРОНТИРА
В ПРИКАСПИИ

Кулаков В.О.

Кулаков Владимир Олегович, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: jahondor@mail.ru

Целью статьи является обоснование возможности применения теории фронта к изучению процессов межкультурного взаимодействия народов в южной части Прикаспия. Основная задача - с помощью анализа конкретных исторических фактов подтвердить гипотезу о том, что северные провинции Ирана представляли собой важную и неотъемлемую часть обширной зоны русского фронта в Прикаспии. Традиционный подход в изучении истории Каспийского региона оставляет за рамками исследования многие факты экономического, политического, социально-культурного характера, свидетельствующие о том, что Прикаспийские области Ирана стали, как и Нижнее Поволжье, своеобразной контактной зоной двух народов. Во многом благодаря этому она и сегодня является главным форпостом развития отношений России и Ирана. Такой аспект исследований северных провинций Ирана остается совершенно неизученным как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Во многом это объясняется тем, что ученые уделяли внимание Северному Ирану только в русле истории общих русско-иранских отношений или в контексте глобального противостояния России и Англии за сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В свою очередь теория фронта позволяет увидеть во всем многообразии картину межкультурного взаимодействия, сложившуюся на разных берегах Каспийского моря.

Ключевые слова: Иран, фронт, прикаспийский регион, межкультурное взаимодействие, контактная среда, культурно-историческая общность.

Введение

В настоящее время Каспийский регион благодаря своим богатым биологическим и энергоресурсам играет важную геополитическую роль в международных отношениях. Сейчас к нему относят пять стран, непосредственно выходящих к озеру-моря (Россию, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан). Но на протяжении нескольких столетий Каспийское море являлось внутренним морем для двух государств – Российской империи и Персии, а в двадцатом веке Советского Союза и Ирана. Такая ситуация привела к тому, что по обоим берегам (северному и южному) этого уникального водоема сложились своеобразные культурно-исторические общности, для изучения и анализа которых актуально использовать термин «фронт», которым традиционно обозначают точки соприкосновения двух и более разных по своему происхождению и развитию культур. Согласно определению основателя теории фронта Ф. Тернера – это «точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формирование нового общества» (Тернер, 2009, с. 304). Однако в дальнейшем теория фронта получила свое развитие не только в контексте противостояния «варварства» и «цивилизации», но и затрагивая не менее

сложные вопросы, «связанные с осознанием в полной мере проблемы контактных зон» (Якушенков, Якушенкова, 2010, с. 109).

Регион Нижней Волги с момента своего вхождения в состав России довольно быстро стал отправной точкой распространения российских интересов в Прикаспии. С течением времени он в полной мере приобретает статус своеобразной контактной зоны, в которой находит взаимодействие друг с другом пришлое и коренное население. Одним из таких процессов является проникновение и развитие в Северном Прикаспии элементов персидского влияния и культуры. «Персы» (под которыми в источниках понимались гилянцы, собственно персы, азербайджанцы и другие народности Персидской державы), главным образом, купцы, стали появляться в русской Астрахани почти сразу после ее основания в 1558 г. О русско-персидской торговле и персидских купцах в Астрахани писали Дон Хуан Персидский, Энтони Дженкинсон и другие европейские путешественники XVI- н.XVII вв. (Исторические путешествия, 1936, с. 125). В конце XVI века или в первой четверти XVII в. возникли первые астраханские гостинные дворы: Гилянский и Бухарский, на основе которых в Астрахани и сформировалась персидская диаспора. Фронтирная среда, сложившаяся в Астрахани, была в достаточной степени привлекательной для живших здесь персов, многие из них принимали русское подданство. Более подробно этот процесс рассмотрен нами в предыдущих статьях (Кулаков, 2015, с.14).

Похожая ситуация складывалась и на противоположной, южной стороне Каспийского моря – в северных областях Ирана, где различные исторические события на протяжении веков способствовали появлению здесь обширной территории русского фронта. Они вполне обоснованно позволяют говорить о том, что данная методологическая парадигма применима к изучению процессов взаимодействия местного населения приморских районов Ирана и русских поселенцев, проживавших на этих землях на протяжении длительного времени. До сих пор, о чем свидетельствуют личные наблюдения автора в провинции Мазандаран, среди жителей преклонного возраста сохранились добрые и положительные воспоминания о том времени, когда на севере Ирана были расквартированы советские войска в годы Второй Мировой Войны.

Такой аспект исследований северных провинций Ирана остается совершенно неизученным как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Во многом это объясняется тем, что ученые уделяли внимание северу Ирана только в русле истории общих русско-иранских отношений или в контексте глобального противостояния России и Англии за сферы влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Однако такой подход оставляет за рамками исследования многие факты экономического, политического, социально-культурного характера, свидетельствующие о том, что Прикаспийские области Ирана стали, как и Нижнее Поволжье, своеобразной контактной зоной двух народов. Именно поэтому и сегодня она является главным форпостом развития отношений России и Ирана. В свою

очередь теория фронта позволяет увидеть во всем многообразии картину межкультурного взаимодействия, сложившуюся на разных берегах Каспийского моря, но не разделенную, а наоборот соединенную им. В данной статье выделяются основные этапы развития русского фронта в южной части Каспия и дается их категориальная оценка. Основным методом исследования является анализ конкретных фактов, которые доказывают гипотезу о том, что северные провинции Ирана представляли собой важную и неотъемлемую часть обширной зоны русского фронта в Прикаспии.

Этапы формирования русского фронта в северных областях Ирана. Первое знакомство русских с южным берегом Каспийского моря состоялось еще в эпоху складывания Древнерусского государства. Бассейн Каспийского моря входил в сферу экономических интересов русов, по крайней мере, с IX века. Тогда по Каспию проходил путь, связывавший Восточную Европу со странами Востока. В 80-е гг. IX века арабский историк Ибн-Хордадбех описал путь русских купцов, который шел от северных областей славян по Черному морю через владения Византии, затем по Дону и Волге к столице Хазарии. Оттуда русы выходили в Каспийское море и свободно высаживались в любом месте побережья, либо плыли к Джурджану (современный Горган, столица провинции Голестан) и от него по суше достигали Багдада (Коновалова, 1999, с.108). Южное и восточное побережье Каспия формально входило в состав Арабского Халифата, но к IX в. здесь завершился процесс его распада на отдельные небольшие эмираты, возглавляемые собственными иранскими династиями. К началу X в. они вошли в орбиту влияния государства Саманидов, которое стало главным соперником Хазарии в регионе. Очевидно, что, нуждаясь в союзнике против усилившихся государств Прикаспия, хазарские правители могли прибегнуть к помощи русов, обладавших боеспособным флотом. Его использование русами стало новой страницей в истории региона (Заходер, 1967, с. 127).

Персидские и арабские авторы оставили сведения о нескольких походах русов на Каспий в IX-X вв. Персидский автор XIII в. Ибн-Исфандийар в своей «Истории Табаристана» сообщил о походе русов между 864 и 884 гг., на город Абескун, расположенный на юго-восточном побережье Прикаспия. Причиной рейда, в том числе, стала деятельность горцев Табаристана – дейлемитов, которые дестабилизировали торговлю, захватив ряд городов, включая Джурджан и Рей, где у русов были фактории (Заходер, 1967, с. 162). Но наиболее масштабное военное предприятие русов в Южном Прикаспии было совершено ими согласно описанию аль-Масуди в 913-914 гг. Проникнув на Каспий, русы разделились на отряды и начали грабёж городов на южном побережье. Удару подверглись Гилян, Дейлем, Табаристан, Абескун. Затем русы сместились к западному побережью, напав на Арран и Ширван (Гаркави, 1870, с.132).

Таким образом, уже в X в. начала формироваться территория русского фронта в Прикаспии, который к этому времени уже превратился в магистральную артерию между Восточной Европой, Ближним Востоком и Средней Азией. Первоначальным стимулом к развитию фронтальных

процессов в регионе явились экономические интересы русских купцов, выражением чего стали первые торговые фактории на севере Ирана. А дальнейшее развитие международных отношений здесь привело к военной составляющей фронта, которая выражалась как в грабительских набегах на прибрежные города, так и в непосредственной защите этих факторий.

В XI, отчасти в XII вв. торговля с востоком по-прежнему поддерживалась, несмотря на нашествие половцев, заполнивших южные степи и Поволжье и отрезавшие Каспийское море от Древней Руси (Бушев, 1973, с.43). Монголо-татарское нашествие резко и надолго ослабило экономические связи Руси со странами Востока, поэтому новый этап в развитии русского фронта в Прикаспии начинается с XVI в. Он связан с усилением экономических и политических связей Русского государства с мусульманскими странами региона и, в частности, с Персией. Кроме того, после завоевания Казани и Астрахани Волжско-Каспийский путь становится в руках Москвы средством непосредственного общения с народами Прикаспия.

Характерной чертой отношений, складывающихся в этот период в каспийской фронтальной среде, являлась взаимная заинтересованность в развитии торговли по Каспийскому морю и Волге, как со стороны России, так и со стороны Персии. Последняя была отрезана враждебной Турцией от европейского рынка. Начавшиеся турецко-персидские войны привели к полному прекращению торговли Персии с Европой. Черное море оказалось для нее закрытым, и она была вынуждена искать новых торговых путей. Торговля через Персидский залив только начала налаживаться и еще не имела практического значения. Оставался единственный путь – через Каспий и Русское государство. Казалось бы – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», однако в ситуации четырехсотлетней давности можно обнаружить прямые аналогии с современностью. Напряженные в последние годы отношения Ирана с Турцией, сегодня еще больше обострившиеся из-за сирийского конфликта, также приводят к повышению роли транзитной торговли по интермодальному коридору Север-Юг через Астрахань. А резкое ухудшение отношений самой России с Турцией также заставляет российское руководство прилагать максимальные усилия по развитию иранского направления своей внешнеэкономической деятельности. Это выражается, в том числе и в создании на территории Астраханской области свободной экономической зоны «Лотос», интерес к которой уже проявил иранский капитал. Эти факты говорят о том, что зона фронта, начавшая свое формирование на обоих берегах Каспийского моря несколько столетий назад, находится в процессе развития и сейчас, а экономические интересы в контексте международной обстановки продолжают оставаться одним из главных ее критериев.

В XVI в. с возрастанием роли каспийского торгового транзита правители Московского государства ясно осознают факт конкуренции в лице европейских стран за контроль за столь выгодным торговым путем. Активное развитие этой торговли было крайне необходимо для развивающихся

промышленных экономик государств Западной Европы, нуждающихся в бесперебойных поставках сырья – персидского шелка. Из европейских стран, добывавшихся права транзита в Персию, можно указать Англию, Голландию, Францию, германские герцогства – Голштинию, Бранденбург и др. (Зевакин, 1996, с.552). В такой ситуации правительству России было необходимо сосредоточить все усилия на закреплении в этом стратегически важном регионе. Первые проекты по расширению российского влияния на Каспии появились в XVII в. и были связаны с идеей включения северных провинций Персии в состав России. Речь идет о довольно любопытном плане захвата московским государством прикаспийских областей, в первую очередь персидской провинции Гилян. План голштинского посла Отто Бругемана состоял в том, что Россия при вооруженной и денежной поддержке Голштинии должна была захватить Гилян, Мазандаран и Астрабад (Зевакин, 1996, с.560). Конечно же, этот проект был довольно авантюрным и неприемлемым в тех условиях. Однако, как одно из начальных звеньев в подготовке России к наступлению на Закавказье и сопредельные с ним прикаспийские области Персии, проект Бругемана может быть отмечен. Он стал прологом к главным событиям, произошедшим во фронтирной среде каспийского региона в первой трети XVIII века, знаменующими собой завершение второго этапа истории русского фронта на севере Ирана. Речь идет о Персидском походе Петра I 1722 г. по окончании которого, персидская сторона уступала России свои прикаспийские провинции Гилян, Мазандаран, Астрабад, а также Ширван и Дагестан (Сычев, Волков, 1946, с.8).

Но, как известно, России не удалось в полной мере воспользоваться плодами своих военных успехов на Каспии. Резко осложнившаяся международная обстановка, в частности, ставшая реальной война с Турцией, к которой Россия еще не была готова, приостановила последовательное и твердое закрепление России на западном и южном берегах Каспийского моря. Оно было бы возможным, если бы Россия сумела эффективно включить полученные территории в свой хозяйственный оборот, что с учетом их экономической специфики, то есть производства «экзотических» продуктов – гилянского шелка, а также хлопка, шафрана, табака, нефти сделало бы русский торговый капитал крупным монополистом на этом рынке. Однако методы их эксплуатации носили скорее хищнический характер. Хозяйственное управление было возложено на местные военные оккупационные власти, которые одни ресурсы эксплуатировали сами, другие сдавали в аренду и, кроме того, взимали различные сборы с местного населения. Никакого контроля над этим военно-хозяйственным управлением организовано не было, отчего массово развивалось хищение. Попыток развить новые хозяйственные культуры, организовать торговлю и транспорт не делалось. Таким образом, оккупированные прикаспийские провинции оказались нерентабельны: доходы были незначительны и не покрывали огромных расходов, тратившихся на содержание армии в прикаспийских провинциях. Поэтому, когда в Персии наступила известная политическая устойчивость в лице Надир шаха и создалась гарантия от появления турок на

Каспийском море, Россия нашла возможность вернуть оккупированные ею области в 30-е гг. XVIII в.

Однако непосредственное включение прикаспийских провинций Персии в состав России явилось важной вехой в истории становления русского фронта на севере Ирана. Российские военные, колонисты, дельцы, получили как первый опыт освоения данных земель, так и вступили в многосторонние контакты с местным населением. Если раньше они носили исключительно торговый характер, то теперь выразились в длительном совместном проживании на одной территории. И, несмотря на то, что конкретный результат этого взаимодействия оказался неудачным, пограничные контуры фронтальной среды, такие как колонизация, освоение, межкультурное взаимодействие, ментальные противоположности, наиболее зримо проявившиеся несколько позже, окончательно сформировались здесь именно в первой трети XVIII в.

XIX век занимает особое место в истории русского фронта в северных провинциях Ирана. На его вторую половину и начало XX в. приходится апогей экономического и политического присутствия России в этой стране. Это позволяет выделить указанный период времени в третий этап развития русского фронта на южном Каспии. Именно в это время на севере Ирана полностью сформировались основные векторы взаимодействия между пришлым (русским) и коренным (иранским) населением этих областей, что дает возможность говорить об окончательном формировании здесь контактной фронтальной среды, продолжающей развиваться в этом направлении и в настоящее время. Царское правительство поддерживало переселение русских в Северную Персию. К 1914 году в Северной Персии проживало от 20 до 30 тыс. русских переселенцев. Колонизация земель осуществлялась, в том числе земледельческими товариществами. Так, только в Астрабадской провинции было образовано четыре крупных товарищества с общей площадью арендованной земли 23000 десятин (Бессонов, 1915, с.87). Наиболее крупным торгово-промышленным предприятием на севере Ирана являлось рыболовное хозяйство Лианозовых. Фирма Лианозова представляла собой крупное, хорошо оснащенное, современное промышленное предприятие. В 1873 г. С.М. Лианозов получил у персидского правительства концессию на право ловли рыбы во всей южной части Каспийского моря. На постоянной работе у Лианозовых было занято до 4 тыс. рабочих, приезжавших из различных районов Ирана и соседних стран (Абрамов, 2002, с.97).

После создания русской морской станции на острове Ашур-Ада (1842 г.) и Ново-Петровской крепости на Мангишлаке (1846 г.) астраханские купцы-рыбопромышленники из армян и русских основывают здесь торговые фактории, скупая у туркмен продукты рыбного промысла. К началу 80-х гг. астраханские рыбопромышленники из армян уже прочно обосновались в форте Александровском (Ново-Петровское укрепление на Мангишлаке было впоследствии переименовано в форт Александровский). Подавляющее большинство из них имело семьи, собственные дома, содержало лавки с

разным мелочным и мануфактурным товаром (Агаев, 1965, с.32).

Эти примеры свидетельствуют о том, что со второй половины XIX века эпоха русского фронта на севере Ирана вступила в свою классическую стадию, характеризующуюся непрерывным потоком русского населения на данные территории, постоянным и многосторонним взаимодействием с местными жителями и вовлечением их в хозяйственную деятельность, организованную здесь русскими.

Данный факт нашел свое отражение и в культурно-языковой специфике фронтальной среды на севере Ирана. Эти земли, а также проживающие на них люди стали объектом внимания известных российских писателей и поэтов: В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Грибоедова, В. Хлебникова. Во многом благодаря знакомству с особенностями персидского менталитета в северных областях этой страны, он создавали в своих произведениях общий образ Ирана и иранцев для русских читателей. Еще в древнерусской литературе формируется специфический образ Ирана как сказочной, манящей и непознанной страны, сочетающей в себе иной тип мироустройства. В то же время уже первые произведения об Иране (А. Никитина, Ф. Котова) служат развенчанию подобных стереотипных представлений. Социально-политические отношения и постоянные контакты русских людей с Персией приносят в произведения долю реалистичности, оставив за собой право на художественный вымысел (Мутамеднияз, 2008, с. 70). При изображении Персии в древнерусской литературе акцент ставится на том, что люди Персии живут по законам не христианской, а мусульманской, «инакомыслящей» религии. По этой причине в исторических песнях более позднего времени (XVII в.) разграбление этой страны считалось делом благостным, признавало в русском человеке, решившем заняться грабежом соседней земли, не только храброго, смелого героя, но и борца за правую веру и народ. В этой связи показателен образ Стеньки Разина, воспетого во многих жанрах устного народного творчества.

Также важным обстоятельством, свидетельствующем о том, что северные области Ирана имели в начале XX в. все черты русской фронтальной среды, является процесс языкового взаимодействия и проникновение в систему персидского языка значительного пласта русских заимствованных слов, обозначающих жизненно важные понятия и имеющих широкое распространение в языке-реципиенте. Среди них можно назвать, во-первых, технические и военные термины: ['āftāmāt] - автомат, ['āpārāt] - аппарат, [berīgād] - бригада, ['ātriyād] - отряд, заимствованные персидским языком в результате политических и научно-промышленных связей между Россией и Ираном в XIX-н. XX вв. И, во-вторых, русские слова, проникшие в фарси гораздо раньше, в результате торговых контактов, в которых север страны играл первостепенную роль: ['eskenās] - ассигнация, [červons] - червонец, [pūt] - пуд, [samāvar] - самовар, [lodkā] - лодка, [ātāmān] - атаман. Все эти слова и в настоящее время не являются архаизмами и имеют широкое хождение в персидском языке, однако, в первую очередь среди жителей

Гиляна и Мазандарана.

Выводы

В длительном процессе формирования зоны русского фронта на севере Ирана можно выделить три этапа. Ранняя стадия (IX-X вв.) характеризовалась первыми контактами русского населения с персоязычными народами южного Прикаспия в эпоху Киевской Руси, которые носили главным образом торговый характер. Но уже на этом этапе, который условно можно назвать предфронтиром, появляются признаки собственно фронта, то есть закрепление на данных территориях в виде торговых факторий русских и их защита с помощью военной силы. Второй этап (XVI- первая треть XVIII в.) представляет собой активную фазу развития фронтальных отношений в регионе, главным толчком к которому стал прямой выход России к Каспийскому морю при Иване Грозном. На этом этапе произошло непосредственное включение в состав Российской империи северных провинций Ирана и сделана попытка их хозяйственного освоения. В этот период изменился сам характер контактов во фронтальной среде, торговые черты которого пополнились опытом взаимоотношений в условиях длительного совместного проживания. Третий этап развитого или зрелого фронта характеризуется высшей стадией экономического и политического присутствия России на севере Ирана и приходится на XIX - н. XX века. На этом этапе степень взаимоотношений пришлого и коренного населения достигла такой стадии, когда последнее было массово включено в хозяйственную деятельность русских промышленников, а северные диалекты персидского языка пополнились значительной базой русскоязычной лексики. Таким образом, можно увидеть, что в начале XX века северные области Ирана были полностью включены в обширную зону русского фронта в Прикаспии и обладали всеми чертами контактной зоны двух разных народов и их культур. На протяжении столетий этот факт делал возможным интенсивное развитие отношений между Россией и Ираном, а активно развиваемый потенциал фронтальной территории на обоих берегах Каспия способствует этому процессу и в настоящее время.

Библиографический список:

1. Абрамов А.Е. (2002). *Русские концессии в Прикаспийском Иране в конце XIX века: к проблеме путей и методов проникновения российского капитала в Иран. Актуальные проблемы юриспруденции*. Владимир: ВГПУ, Вып. 3.
2. Агаев Х. (1965). *Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в.* Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. - Ашхабад: Туркмениздат.
3. Баева Л.В. (2014). *Типология и проблемы изучения южно-русского фронта*. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. №2 (22).
4. Бессонов Б.В. (1915). *Русские переселенцы в Северной Персии*.

Петроград: Издание Переселенческого управления Главного Управления землеустройства и земледелия.

5. Бушев П.П. (1973). *Русско-иранские контакты (до конца XVI века)*. Вопросы истории, №4.

6. Гаркави А.Я. (1870). *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X века по Р.Х.)* СПб.: Типография А.О. Цедербаума.

7. Заходер Б.Н. (1967). *Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II*. Издательство «Наука», Москва.

8. Зевакин Е.С. (1996). *Москва и Голитиния на Каспии*. Альманах «Арабески истории» Вып. 5-6 «Каспийский транзит» Т. 2. Изд-во: ДИ-ДИК. Москва.

9. *Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. (1936)*. Сталинград: Краевое книгоиздательство.

10. Коновалова И.Г. (1999). *Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения. Восточная Европа в исторической ретроспективе*. Москва.

11. Кулаков В.О. (2015). *Персидские компоненты в нижневолжском фронтире: история и современность*. Каспийский регион, №4. С. 14-19.

12. Мотамедния, М. (2008). *К вопросу о специфике создания образа Ирана в русской литературе*. Гуманитарные исследования. № 1. С. 69-73.

13. Сычев С.И., Волков В.К. (1946). *Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях*. Москва: изд-во МИД.

14. Тернер Ф.Дж. (2009). *Фронтир в американской истории*. Москва: Весь Мир.

15. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2010). *Американский фронтир и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге*. Каспийский регион, №1. С. 109-114.

NORTH PROVINCES OF IRAN IN THE HISTORY OF RUSSIAN FRONTIER IN THE CASPIAN REGION

Kulakov V.O.

Kulakov V.O., Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, str.
Tatishcheva, 20a. E-mail: jahondor@mail.ru

The aim of the article is to prove the applying of the frontier theory in the study of processes of intercultural communications of peoples not only in the north but also in the southern part of the Caspian Sea region, i.e. the expansion of its geographical scope. The main task is to confirm, using the analysis of specific historical facts, the hypothesis that the northern provinces of Iran is an important and integral part of the vast Russian frontier zone in the Caspian region. Traditional approach in studying of Caspian regional history leaves outside of research many facts of economic, political, social and cultural character, testifying that Caspian provinces of Iran became, as well as Lower Volga region a peculiar contact zone of two people. Largely because of this and today it is the main outpost of Russia and Iran relations. Such aspect

of researches of the northern provinces of Iran remains unstudied both in domestic, and in a foreign historiography. This is largely explained by the fact that scientists have paid attention to the north of Iran only in line with the general history of Russian-Iranian relations, or in the context of the global confrontation between Russia and England for influence in the Middle East. But the frontier theory allows to see the picture of cross-cultural interaction which developed on different coasts of the Caspian Sea in all variety.

Key words: Iran, frontier, Caspian region, cross-cultural interaction, the interaction area, cultural-historical community.

Reference:

1. Abramov A.E. (2002). *Russian concessions in the Caspian Iran at the end of the XIX century: the problem of the ways and methods of penetration of Russian capital in Iran*. Actual problems of jurisprudence. Vladimir State Pedagogical University, (3)
2. Agayev H. *Relations between the Caspian Turkmens and Russia in the XIX century*. Ashgabat: Institute of History, Archaeology and Ethnography.
3. Bayeva L.V. (2014). *Typology and problems of studying of the southern Russian frontir*. Bulletin of the Volgograd state university. 2 (22)
4. Bessonov B.V. (1915). *The Russian immigrants in Northern Persia*. Petrograd: Edition of Resettlement management of Head Department of land management and agriculture.
5. Bushev P.P. (1973). *Russian-Iranian contacts (before the end of the XVI century)*. Problems of history, №4.
6. Garkavi A.Y. (1870). *Tales of Muslim writers about the Slavs and Russians*. St. Petersburg: Printing S.A. Tsederbaum.
7. Historical travels. *Excerpts from the memoirs and notes of foreign and Russian travelers on the Volga in the XV-XVIII centuries*. (1936). Stalingrad.
8. Konovalova I.G. (1999). *Crusades of Russ to Caspian Sea and the Russian-Khazar relations. Eastern Europe in historical perspective*. Moscow.
9. Kulakov V.O. *Persian elements in the Lower Volga Frontier: past and present*. Caspian region, №4.
10. Motamednia, M. (2008). *To a problem of the specifics of creating an image of Iran in the Russian literature*. Humanities research. №1.
11. Sychev S.I., Volkov V.K. (1946). *The Soviet-Iranian relations in pacts, conventions and agreements*. Moscow: Publishing House of Foreign Ministry.
12. Turner F.J. (2009). *Frontier in American history*. Moscow.
13. Yakushenkov SN Yakushenkova OS (2010). *The American frontier and Russian analogies in the Lower Volga region*. Caspian region, №1.
14. Zakhoder B.N. (1967). *Caspian collection of information about Eastern Europe. Volume II*. «Science» Publishing House, Moscow.
15. Zevakin E.S. (1996). *Moscow and Holstein in the Caspian Sea*. Almanac "Caspian transit ", Moscow.